

Семинар 6. УСР – Онтология и философия природы

ФИЛОСОФИЯ

(дневное отделение)

Кузнецов Виталий Владимирович

Семинар 6. УСР – Онтология и философия природы

Оглавление

1. Бытие материальное и идеальное. Основные формы бытия.....	2
Э. Фромм об основных способах существования человека	10
2. Концепции материи в истории науки и философии. Философское определение понятия материи	15
В.И. Ленин о понятии материи	16
3. Понятие природы. Проблемы взаимосвязи природы и общества в истории философии. Глобальные проблемы в системе «человек–общество–природа». Характерные черты современного экологического кризиса (В.С. Стёпин, А. Печчеи).....	17

*** *** ***

1. Бытие материальное и идеальное. Основные формы бытия

Вопросы и задания:

1. Каковы основные виды и формы бытия и в чем состоит их взаимосвязь?
4. Что означают понятия «первой» и «второй» природы?

Целостный мир – это всеобщее единство, включающее в себя необозримое множество существующих в их конкретности и

целостности вещей, процессов, состояний, организмов, структур, систем, человеческих индивидов.

Как бы ни были уникальны отдельные проявления бытия и как бы ни важна была эта уникальность для людей, все-таки их практика и познание настоятельно требуют, чтобы единичное обобщалось, объединялось в группы, а также в весьма обширные целостности. При объединении единичных сущих в целостности человеческая мысль обязательно учитывает то, как именно единичное существует. Улавливая определенное сходство условий, способов существования единичных сущих, философия объединяет их в различные группы, которым присуща общность формы бытия. Таких групп много (здесь будет идти речь только об *основных формах бытия*). Различение и объединение того, что существует, под углом зрения принадлежности к специфической форме бытия – отправная точка самой что ни на есть обычной, повседневной жизни людей. Они обязательно учитывают различия форм бытия во всех областях деятельности, хотя не всегда задумываются об этом. Ведь обрабатывать материал природы, к которому не прикасалась рука человека, – в большинстве случаев не то же самое, что преобразовывать вещи и процессы, уже вышедшие из горнила человеческой деятельности; воздействовать на живое человеческое тело и тем более на мысли и чувства людей надо иначе, чем на вещи природы.

И прежде всего надо знать, как те предметы, те данности, с которыми имеет дело человек, "присутствуют" в мире, то есть иметь представление о специфике их бытия. Однако при этом человеку – сколь бы конкретные практические задачи он ни решал и как бы ни был он далек от философии – не обойтись без некоторых хотя бы элементарных знаний и навыков, позволяющих "учесть" бытие как таковое. А это, в частности, означает: надо различать сущее и бытие (вопреки тем учениям, где они отождествляются). Однако не только различать, но и связать их. М. Хайдеггер подчеркивал: традиционная философия (даже та, которая именовала себя онтологией, то есть учением о бытии) сосредоточивала внимание главным образом на

проблеме сущего. В этом проявилось "забвение бытия", в чем Хайдеггер видел особенность метафизики и мироощущения европейского человечества, обусловившую трагичность его судьбы. Поворот от "только сущего" к "самому бытию" – вот чего требовал Хайдеггер от новой онтологии. И это не праздная и не абстрактная мысль. Действительно, человечество склонно проявлять интерес к сиюминутным проблемам и задачам (к конкретному сущему); в таких, например, "заботах" было создано самое современное оружие массового уничтожения. Людей долгое время мало заботило то, как это скажется на судьбе мира – природы, человечества, цивилизации, культуры. Хайдеггер прав: настало время "озаботиться" самим бытием. Такая задача неразрывно связана с философским осмыслением бытия и его форм.

Проблема форм бытия важна, следовательно, для повседневной практики и познавательной деятельности людей (в жизни она чаще всего осмысливается и обсуждается не в философских терминах).

Принципиально важна она и для философии. При определении бытия различные целостности мира равно существуют, и это придает всем им характер реальности, создает предпосылку единства мира.

Целостное бытие как реальное многообразие различных вещей и явлений подразделяют на определенные виды и формы. Выделяют *два основных вида бытия – материальное и духовное (идеальное)*. К *материальному бытию* относят все то, что составляет объективную реальность (природные объекты, феномены человеческой и общественной жизни). *Идеальное бытие* представляют явления духовной жизни человека и общества – их чувства, настроения, мысли, идеи, теории (субъективная реальность). Данный вид бытия принимает объективированную форму в виде *понятий, формул, текста* и т. д. Эти *два основных вида бытия* могут быть представлены в четырех основных формах: *бытие вещей (природы), бытие человека, бытие духовного (идеального) и бытие социального*.

Отсюда можно говорить о разных онтологиях: *онтологии природы, онтологии человека, онтологии культуры, онтологии общества.*

Исторически первой предпосылкой, основой человеческой деятельности были и остаются сегодня вещи, процессы, состояния природы, которые возникли, существовали до человека, существуют вне и независимо от сознания и действия людей (*«первая природа»*). Потом человек стал мощно и широко воздействовать на природу Земли. Возник целый мир произведенных человечеством вещей, процессов, состояний. В философии его называли *«второй природой»*.

Природа объективно реальна и первична также и в том смысле, что без нее невозможны жизнь и деятельность человека. Без нее не могли бы даже появиться предметы и процессы, произведенные человеком. "Вторая природа" строго зависит от первой – от природы как таковой, от ее вещей, процессов, закономерностей, существующих до, вне и независимо от человека. По типу, форме своего бытия "вторая природа" сходна с первой, из которой она рождается, но в пределах предметно-вещественного бытия она обладает важными особенностями.

В чем же состоит отличие «второй природы» от первой? С одной стороны, воплощенный в ней материал первой природы есть объективная и первичная в философском смысле реальность, развивающаяся по законам, независимым от человека и человечества. С другой стороны, в предметах "второй природы" воплощены или, если воспользоваться термином Гегеля, *«опредмечены»* труд и знания человека.

Так, станок не просто предмет, сделанный из металла и каких-то других материалов (которые, кстати, тоже часто принадлежат ко "второй природе", ибо прошли через горнило человеческой деятельности). В нем предметно, материально запечатлены знания людей, воплощены труд и навыки тех, кто его изготовил. Для того чтобы использовать и в случае необходимости преобразовать далее предметные результаты человеческого труда, требуются не только знания о материалах природы, из которых предметы сделаны, нужно,

чтобы люди, которые пускают их в дело, хотя бы частично располагали ранее воплощенными в них знаниями об их назначении, процессе работы, особенностях конструкции и т.д. Или, если снова применить термин Гегеля, нужно *«распредметить»* эти знания. Многие философы акцентируют внимание на роли духовных, идеальных элементов в процессе труда, предметной деятельности человека и отводят существенную роль таким компонентам человеческой деятельности, как *целеполагание, формирование проекта, плана действий, образа* изготавливаемого предмета и т. д. Эти компоненты можно назвать *идеальными*, поскольку благодаря им формируется *идея предмета*, которая затем воплощается в жизнь. И их роль действительно огромна. Однако бытие предметов и процессов "второй природы" состоит в том, что они представляют собой нерасторжимое единство природного материала, опредмеченного духовного (идеального) знания, опредмеченной деятельности конкретных индивидов и социального предназначения, функций данных предметов. Будучи созданными в качестве такой особой единой реальности, эти предметы заданы, объективно предпосланы последующим актам человеческого труда, познания, творчества.

Есть еще один принципиально важный аспект, связанный с относительным различием первой и "второй" природы, а одновременно – с их принадлежностью к единой форме бытия и к единству мира как целого. Долгое время люди не осознавали достаточно четко, что *между первой и "второй" природой* возможны не только отношения взаимосвязи, согласованности, но и *конфликтного противостояния*. Сегодня возник конфликт в виде экологических, энергетических и подобных им проблем. А потому требуются новые подходы к регулированию связи двух подвидов, в принципе относящихся к одной – вещной, предметной – форме бытия и к единому, целостному бытию мира.

Бытие отдельного человека и человечества в целом специфично, уникально. Однако в этом бытии есть стороны существования, общие и для человека, и для любой преходящей вещи

природы. В этом смысле оправдан подход естественных наук, согласно которому человек предстает как бы вещью среди вещей – телом среди тел. Разумеется, этот подход оправдан только в том случае, если *сущность человека не сводится к жизни и к проявлениям его тела*. И тем более если он не перерастает в безнравственное, антигуманное отношение к человеку как к "вещи", "объекту", которым можно манипулировать, то есть обращаться с ним как вздумается. Но в общефилософском учении о бытии важно прежде всего ответить на вопрос, как именно человек существует. А он ведь непосредственно существует как живой, конкретный индивид, причем первичной предпосылкой его существования является жизнь его тела.

В этом аспекте проблема человеческого бытия включена в широкий вопрос об эволюции природы и генезисе, возникновении самого человека (антропогенезе), который был также и генезисом специфической для вида *Homo sapiens* (человека разумного – лат.) формы существования.

Из того обстоятельства, что человек существует как тело в мире вещей, вытекает и ряд других следствий, которые люди в их жизни вынуждены учитывать и, как правило, учитывают – на бессознательно-инстинктивном и на сознательном уровне. Смертное тело человека "помещено" в мир неживой и живой природы. С этим местом бытия в жизни человека связано многое. Потребности человеческого тела в пище, защите от холода, от других сил и существ природы, в самосохранении, продолжении жизни *можно, правда, удовлетворять минимально*, но совсем не удовлетворять их нельзя, не рискуя довести его до гибели.

Значит, и в человеческом бытии, каким бы специфическим оно ни было, первична предпосылка – существование тела (существование в соответствии с законами жизни, циклами развития и гибели организмов, с циклами природы и т.д.) и необходимость удовлетворения его необходимых (в этом смысле фундаментальных) потребностей. Без этого вообще невозможно человеческое существование.

Отсюда вытекают важные следствия относительно прав каждого отдельного человеческого существа. Исходное право связано как раз с сохранением жизни, самосохранением индивидов и выживанием человечества. Оно исходное потому, что без его реализации невозможно развертывание других возможностей, потребностей и прав человека. Человек должен иметь пищу, одежду, жилище – это верно в силу законов не только человеческой справедливости, но и самого человеческого существования. Здесь тот пункт, в котором должна быть признана бытийственная обусловленность права человека на удовлетворение его фундаментальных (природных) потребностей. Конечно, потребности человека уже в древности приняли иной характер; даже потребности тела преобразовались в особые, а не чисто природные притязания.

Философия оправданно искала и ищет связь между телом человека и его страстями, переживаниями, психическими состояниями, мыслями, характером, волей, поступками – тем, что раньше в философии именовали его "душой", а в наше время чаще называют "психикой".

Действительно, в существовании человеческого тела, в его бытии есть немало загадок, тайн, противоречий: между хрупкостью и выносливостью, зависимостью от природы и особой "мудростью", живучестью, между непосредственным "физиологизмом" и способностью прилаживаться к высшим порывам человеческого духа и т.д.

Бытие отдельного человека – непосредственно данное *диалектическое единство тела и духа*. Функционирование тела тесно связано с работой мозга и нервной системы, а через них – с психикой, с духовной жизнью индивида. Работа духа в известном пределе зависит от здоровья тела человека. Недаром пословица гласит: в здоровом теле – здоровый дух. Однако пословица верна далеко не всегда, что не требует специальных доказательств. Хорошо известно и то, сколь велика бывает роль человеческого духа в поддержании жизни немощного или больного тела.

Один из примеров тому – жизнь И. Канта. Родившийся хилым ребенком, слабый телом философ прожил 80 лет благодаря тому, что хорошо разобрался в особенностях своего организма, строго придерживался разработанных для себя режима, диеты и умел воздействовать на свою психику. На жизнь Канта благотворно повлияло также то обстоятельство, что он увлеченно трудился, был и в жизни верен проповедуемым в книгах высочайшим ценностям духа и нравственности.

Р. Декарт был одним из тех, кто участвовал в полемике вокруг понятия "мыслящая вещь". Он, по собственным его словам, "не отрицал, что, для того чтобы мыслить, надо существовать..." [*Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 430.*]. Когда же Декарт утверждал: "Я мыслю, следовательно, я существую" («*cogito ergo sum*»), то он уже переводил спор о бытии человека в другую плоскость. Он ставил вопрос о том, что важнее для понимания специфики человеческого бытия: то, что человек существует (подобно любой другой вещи среди других вещей), или то, что благодаря мышлению (понимаемому Декартом в широком смысле) человек способен размышлять о самом факте своего существования, то есть становиться мыслящей личностью.

Человеческое бытие – реальность, объективная по отношению к сознанию отдельных людей и поколений. Люди существуют до, вне и независимо от сознания каждого отдельного человека. Но бытие людей отнюдь не абсолютно независимо от сознания, от духа, ибо является комплексным и уникальным единством природного, вещественного и духовного, индивидуального и родового, личностного и общественного.

Каково же место и значение бытия человека в целостном единстве бытия? Это очень важный и актуальный вопрос. Люди не просто существуют в мире, они способны особенно мощно (в том числе и пагубно) влиять на мир и на самих себя. Но они же способны познавать собственное бытие и бытие как таковое, испытывать тревогу за "судьбу бытия". Поэтому человек может и должен осознать

свою противоречивую роль в единой системе бытия и исполнять ее с величайшей ответственностью. Еще тревожнее стоит вопрос об ответственности каждого человека за судьбы человечества, за бытие человеческого рода и человеческой цивилизации, за планету Земля. И раз надежды возлагаются на духовное величие и разумность людей, то особенно важно осмыслить духовное как особое бытие.

Но именно в том и заключается смысл проблемы бытия, что все бытийные аспекты имеют равное значение, ибо каждый из них высвечивает бытие в целом – как неразрывное, нерасторжимое единство, как целостность.

Внимание человечества и соответственно интерес философии к проблеме бытия обостряется в кризисные, переломные эпохи. А поскольку наше время – ХХІ век – отмечено многими угрозами и опасностями, неудивительно, что вопрос о бытии целым рядом крупных мыслителей был признан самым существенным в философском "вопрошании". М. Хайдеггер, автор книги "Бытие и время", подчеркивал: только человек способен вопрошать о бытии, задавать вопрос о том, в чем состоит специфика бытия человека; в этом смысле ему вверена судьба бытия. И отсюда проистекает, быть может, самая главная ответственность и высшая задача человечества.

Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И.Т. и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2003. – 623 с.

Э. Фромм об основных способах существования человека

Текст из книги Эриха Фромма (1900–1980) «Иметь или быть?» [1976]

Вопросы и задания:

1. Каковы два основных способа существования человека?
2. Чем отличаются друг от друга экзистенциальная форма обладания от социальной?

3. Почему тенденция «иметь» играет доминирующую роль в жизни современного человека?
4. Что означает для человека «быть»?

...1. Под *обладанием* и *бытием* я понимаю <...> два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает.

2. При существовании по принципу обладания мое отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить все и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность.

3. Что касается бытия как способа существования, то следует различать две его формы. Одна из них является противоположностью *обладания* и означает подлинную причастность к миру. Другая форма бытия — это противоположность *видимости*. Она относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи в отличие от обманчивой видимости <...>.

<...> само человеческое существование в целях выживания требует, чтобы мы имели и сохраняли определенные вещи, заботились о них и пользовались ими. Это относится к нашему телу, пище, жилищу, одежде, а также к орудиям производства, необходимым для удовлетворения наших потребностей, такую форму обладания можно назвать экзистенциальным обладанием, потому что оно коренится в самих условиях человеческого существования. Оно представляет собой рационально обусловленное стремление к самосохранению — в отличие от страстного желания удержать и сохранить, которое не является врожденным, а возникло в результате воздействия социальных условий на биологически данный человеческий вид.

<...> Важное значение бытия обнаруживается при противопоставлении его *видимости*. Если я кажусь добрым, хотя моя доброта — лишь маска, прикрывающая мое стремление

эксплуатировать других людей; если я представляюсь мужественным, в то время как я чрезвычайно тщеславен или, возможно, склонен к самоубийству; если я кажусь человеком, любящим свою родину, а на самом деле преследую свои эгоистические интересы, то видимость, то есть мое открытое поведение, находится в резком противоречии с реальными силами, мотивирующими мои поступки. Мое поведение отличается от моего характера. Структура моего характера, истинная мотивация моего поведения составляют мое реальное бытие. Мое поведение может частично отражать мое бытие, но обычно оно служит своего рода маской, которой я обладаю и которую я ношу, преследуя какие-то свои цели <...>.

Понимание несоответствия между поведением и характером, между маской, которую я ношу, и реальностью, которую она скрывает, является главным достижением психоанализа Фрейда. Он разработал метод (свободных ассоциаций, анализ сновидений, трансфера, сопротивлений), направленный на раскрытие инстинктивных (главным образом, сексуальных) влечений, подавляемых в раннем детстве. <...>

<...> Людям присущи две тенденции: одна тенденция — *иметь*, обладать — в конечном счете черпает силу в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению; другая тенденция — *быть*, а значит, отдавать, жертвовать собой — обретает свою силу в специфических условиях человеческого существования и внутренне присущей человеку потребности в преодолении одиночества посредством единения с другими. Учитывая, что эти два противоречивых стремления живут в каждом человеке, можно сделать вывод, что социальная структура, ее ценности и нормы определяют, какое из этих двух стремлений станет доминирующим. Те культуры, которые поощряют жажду наживы, а значит, модус обладания, опираются на одни потенции человека; те же, которые благоприятствуют бытию и единению, опираются на другие. Мы должны решить, какую из этих двух потенций мы хотим культивировать, понимая, однако, что наше решение в значительной мере предопределено социоэкономической

структурой данного общества, побуждающей нас принять то или иное решение.

<...> Большинство из нас знают больше о модусе обладания, чем о модусе бытия, так как в нашей культуре модус обладания встречается гораздо чаще. Однако нечто более важное затрудняет определение модуса бытия по сравнению с модусом обладания, а именно сама природа различия между этими двумя способами существования.

Обладание относится к *вещам*, а вещи стабильны и *поддаются описанию*. Бытие же относится к *опыту*, а человеческий опыт в принципе невозможно описать. Полностью поддается описанию лишь наша *persona* — маска, которую носит каждый из нас, «я», которое мы представляем, — ибо эта *persona* есть вещь. Напротив, живое человеческое существо — не некий мертвый, застывший образ и потому не может быть описано как вещь. Фактически живое человеческое существо вообще невозможно описать. В самом деле, можно многое сказать обо мне, моем характере, моей общей жизненной ориентации. Подобное принципиальное знание может достичь большой глубины в понимании и описании моей психической структуры. Но весь я, вся моя индивидуальность, мое своеобразие, которое столь же уникально, как и отпечатки моих пальцев, никогда не могут быть полностью постигнуты <...>

<...> Можно исписать целые страницы, пытаюсь описать улыбку Моны Лизы, а улыбка, запечатленная на картине, так и останется неуловимой, но не потому, что она так «загадочна». Загадочна улыбка каждого человека (если только это не заученная, искусственная улыбка на рекламном плакате). Никто не может точно описать выражение интереса, энтузиазма, любви к жизни, ненависти или нарциссизма, которое можно увидеть в глазах другого человека, как и все многообразие выражений лица, походок, поз и интонаций, характеризующих людей.

Быть активным

Модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и наличие критического разума. Его основная

характерная черта — это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивного использования своих человеческих потенциалов. Быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми — хотя и в разной степени — наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, изливаться, любить, вырываться из стен своего изолированного «я», испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать. Однако ни одно из этих переживаний не может быть полностью выражено с помощью слов. Слова — это сосуды, наполненные переполняющими их переживаниями. Слова лишь указывают на некое переживание, но сами не являются этим переживанием. В тот момент, когда с помощью мыслей и слов я выражаю то, что я испытываю, само переживание уже исчезает: оно иссушается, омертвляется — от него остается одна лишь мысль. Следовательно, бытие невозможно описать словами, и приобщиться к нему можно, только разделив мой опыт. В структуре обладания правят мертвые слова, в структуре бытия — живой невыразимый опыт (а также, разумеется, мышление, живое и продуктивное).

<...> Лишь по мере того, как мы начинаем отказываться от обладания, то есть небытия, а значит, перестаем связывать свою безопасность и чувство идентичности с тем, что мы имеем, и держаться за свое «я» и свою собственность, может возникнуть новый способ существования — бытие. «Быть» — значит отказаться от своего эгоцентризма и себялюбия, или, пользуясь выражением мистиков, стать «незаполненным» и «нищим». Однако большинство людей считает, что отказаться от своей ориентации на обладание слишком трудно; любая попытка сделать это вызывает у них сильное беспокойство, будто они лишились всего, что давало им ощущение безопасности, будто их, не умеющих плавать, бросили в пучину волн. Им невдомек, что, отбросив костыль, которым служит для них их собственность, они начнут полагаться на свои собственные силы и ходить на собственных ногах. То, что их удерживает, — это иллюзия,

будто они не могут ходить самостоятельно, рухнут, если не будут опираться на вещи, которыми они обладают.

Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Эрих Фромм ; пер. с англ.; предисл. П. С. Гуревича // – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 50–51, 108–111, 118–119, 127.

2. Концепции материи в истории науки и философии. Философское определение понятия материи

Вопросы и задания:

1. Почему возникла необходимость в изменении смыслового содержания понятия материи?

В рамках *механической картины мира*, господствовавшей в естествознании в **XVII–XIX** вв., подвергались абсолютизации известные механические законы движения, физические свойства и состояния материи. Они распространялись как на микромир, так и на все мыслимые пространственно-временные масштабы Вселенной. Единство мира понималось как однородность и единообразие его строения, как бесконечное повторение одних и тех же звезд, планет и других известных форм материи, подчиняющихся вечным и незыблемым законам движения. Но природа оказалась гораздо сложнее, чем думали многие физики и философы.

В науке классический период завершается к концу XIX в., когда впервые ученые начинают ставить под сомнение базовые установки ньютоновско-картезианского мировидения, ранее рассматриваемые как аксиомы. Процесс зарождающегося сомнения в непреложности атомистской Вселенной сопровождался рождением новых научных моделей. Так, например, во второй половине XIX в. исследованиями Джеймса Максвелла (1831–1879) были установлены законы изменения качественно новой по сравнению с веществом формы материи электромагнитного поля.

Эти законы оказались несводимыми к законам классической механики.

Наиболее четко все слабости и противоречия представлений о материи как единой, неизменной первооснове мира выявились на рубеже XIX–XX вв. Те качества вещей, которые в XVII–XVIII вв. рассматривались как субстанциальные (конфигурация, протяженность, весомость), на самом деле лежат на поверхности нашего освоения мира и почти ничего не могут нам дать для объяснения более сложных материальных закономерностей. Представители идеализма (в частности, эмпириокритицизма), истолковали революционную ситуацию в физике как кризис и даже как крушение материализма в целом, который они отождествляли с механическим пониманием природы. Радиоактивный распад атомов они истолковывали как «исчезновение» материи, превращение материи в энергию. Поэтому появилась необходимость и было выработано новое теоретико-познавательное определение материи как философской категории, которое делает главный акцент на возможности познания мира.

В.И. Ленин о понятии материи

*Текст из философской работы Владимира Ильича
Ленина (1870–1924) «Материализм и эмпириокритицизм»*

Вопросы и задания:

1. Чем отличается философское определение понятия материи от естественнонаучных определений?

Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже, исчезают свойства материи, которые казались раньше абсолютными неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса) и которые обнаруживаются как относительные,

присущие некоторым состояниям материи. Ибо единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, – существовать вне нашего сознания <...>.

«Сущность» вещей или «субстанция» тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня – дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма.

<...> Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18 С. 275, 277, 278, 737.

3. Понятие природы. Проблемы взаимосвязи природы и общества в истории философии. Глобальные проблемы в системе «человек–общество–природа». Характерные черты современного экологического кризиса (В.С. Стёпин, А. Печчеи)

Проблема взаимосвязи природы и общества является в современную эпоху одной из самых обсуждаемых проблем философии. Безусловно, в первую очередь, повышенное внимание

философов, представителей социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин к данной проблеме объясняется тем широкомасштабным экологическим кризисом, который переживает современное человечество. Тем не менее, следует отметить, что данная проблема отнюдь не была чужда социальной мысли прошлого.

Само появление философии свидетельствует о резких изменениях в процессе взаимосвязи общества и окружающей человека природной среды. Представления о постоянных законах, управляющих природными стихиями, которые необходимо знать, чтобы выстраивать жизнь общества в соответствии с этими законами, подтверждают, что человек научился управлять некоторыми стихийными процессами природы для того, чтобы гарантировать, несмотря на изменчивость природных процессов, свое существование в будущем. Эти представления, несмотря на принципиальные отличительные характеристики, свойственны и восточной и западной философии. Законосообразность и закономерность природных и социальных процессов, которые утверждаются уже на ранних этапах развития философской мысли, характерны для достаточно развитых цивилизаций, где уже не только общество приобретает относительную автономию в своей взаимосвязи с природой, но и личность приобретает относительную автономию в своих взаимоотношениях с обществом.

Дальнейшие этапы развития философии, особенно европейской философии Нового времени, связаны с радикальными переосмыслениями взаимосвязи общества и природы. Об этом пишет в своей работе *«Теоретическое знание»* В.С. Стёпин.

Вопросы и задания:

1. Чем отличается понимание взаимосвязи человека и природы в восточной философской традиции от европейской?
2. Почему древнегреческая наука не смогла достичь результатов экспериментального естествознания Нового времени?

3. Чем отличается понимание природы в философии древних греков от понимания природы в науке Нового времени?

Особенности категориального членения мира в мышлении человека древневосточных обществ неразрывно связаны со специфическим для культуры этих обществ пониманием места человека в мире. Укоренившееся в европейском мышлении и заложенное в основных чертах еще античной культурой понимание человека как активного деятельностного начала, противоположного пассивности вещи и проявляющего себя в своих действиях, весьма сильно отличается от понимания человека в культурах Древнего Востока. Здесь идеалом человеческого бытия выступает не столько реализация себя в предметной деятельности, в изменении человеком внешних обстоятельств, сколько нацеленность человеческой активности на свой собственный внутренний мир.

Идеал углубления в себя путем отказа от активной предметной деятельности воспринимается как возможность достижения полной гармонии с миром, как выход из сферы предметного бытия, вызывающего страдания, в сферу, где обретается покой и отсутствуют страдания. Но покой, отсутствие реальных предметов и отсутствие страданий выступают как фундаментальные признаки небытия; погружение в него понимается как необходимое условие воспитания невозмутимости духа в ситуациях сложных житейских коллизий, как способ обрести истину. Тем самым «небытие» предстает не как нейтральная характеристика мира самого по себе, а как ценностно окрашенная категория. Ее особый статус в культуре Древнего Китая получает объяснение в реальных особенностях образа жизни, характерного для древнекитайской цивилизации, где достаточно жесткая система социального контроля оставляет за личностью право на свободу только в самопознании и самоотречении. Подавление личного «я» предстает здесь как условие проявления творческих

потенций личности (творчество допустимо только в жестко регламентированных рамках традиции).

Гармония человека и Космоса в этих культурах всегда понималась так, что созвучие человеческих поступков космическому порядку должно быть связано с минимальным проявлением человеческой активности (человек найдет путь истины, если он будет придерживаться середины, умеренности, следовать опыту старших и т. д.). Гармония достигается путем растворения личности в космическом целом. Ее поступки должны быть выражением космического целого, а не самовыражением.

Показательно, что античная культура также развивает в эту эпоху тему гармонии человека и мира, и категория гармонии, соразмерности частей в рамках целого является фундаментальной для культуры древнегреческого полиса. Но смысловая ткань этой категории культуры уже иная. Гармония Космоса соразмерна гармонии самого человека, но человек понимается здесь не как растворяющийся в таинственном и непостижимом Космосе, а как особая выделенная его часть, выступающая мерой всех вещей. За этим принципиально иным пониманием гармонии человека и мира стоит принципиально иной, чем в восточных цивилизациях, образ жизни греческого полиса, античной демократии, в которой индивидуальная активность, стремление личности к самовыражению выступают условием воспроизводства всей системы его социальных связей.

До рождения теоретического естествознания как особой, самостоятельной и самоценной области человеческого познания и деятельности оставался один шаг. Оставалось соединить математическое описание и систематическое выдвигание тех или иных теоретических предположений с экспериментальным исследованием природы. Но именно этого последнего шага античная наука сделать не смогла.

Она не смогла развить теоретического естествознания и его технологических применений. Причину этому большинство

исследователей видят в рабовладении — использовании рабов в функции орудий при решении тех или иных технических задач. Дешевый труд рабов не создавал необходимых стимулов для развития солидной техники и технологии, а следовательно, и обслуживающих ее естественнонаучных и инженерных знаний.

<...> Важно зафиксировать, что сама идея экспериментального исследования неявно предполагала наличие в культуре особых представлений о природе, о деятельности и познающем субъекте, представлений, которые не были свойственны античной культуре, но сформировались значительно позднее, в культуре Нового времени. Идея экспериментального исследования полагала субъекта в качестве активного начала, противостоящего природной материи, изменяющего ее вещи путем силового давления на них. Природный объект познается в эксперименте потому, что он поставлен в искусственно созданные условия и только благодаря этому проявляет для субъекта свои невидимые сущностные связи. Недаром в эпоху становления науки Нового времени в европейской культуре бытовало широко распространенное сравнение эксперимента с пыткой природы, посредством которой исследователь должен выведать у природы ее сокровенные тайны.

Природа в этой системе представлений воспринимается как особая композиция качественно различных вещей, которая обладает свойством однородности. Она предстает как поле действия законосообразных связей, в которых как бы растворяются неповторимые индивидуальности вещей.

Все эти понимания природы выражались в культуре Нового времени категорией «натура». Но у древних греков такого понимания не было. У них универсалия «природа» выражалась в категориях «фюсис» и «космос». «Фюсис» обозначал особую, качественно отличную специфику каждой вещи и каждой сущности, воплощенной в вещах. Это представление ориентировало человека на постижение вещи как качества, как оформленной материи, с учетом ее назначения,

цели и функции. Космос воспринимался в этой системе мировоззренческих ориентации как особая самоцельная сущность со своей природой. В нем каждое отдельное «физически сущее» имеет определенное место и назначение, а весь Космос выступает в качестве совершенной завершенности.

Как отмечал А.Ф. Лосев, нескончаемое движение Космоса представлялось античному мыслителю в качестве своеобразного вечного возвращения, движения в определенных пределах, внутри которых постоянно воспроизводится гармония целого, и поэтому подвижный и изменчивый Космос одновременно мыслился как некоторое скульптурное целое, где части, дополняя друг друга, создают завершенную гармонию. Поэтому образ вечного движения и изменения сочетался в представлениях греков с идеей шарообразной формы (космос почти всеми философами уподоблялся шару). А.Ф. Лосев отмечал глубинную связь этих особых смыслов универсалии «природа» с самими основаниями полисной жизни, в которой разнообразие и динамика хозяйственной деятельности и политических интересов различных социальных групп и отдельных граждан соединялись в целое гражданским единством свободных жителей города-государства. В идеале полис представлялся как единство в многообразии, а реальностью такого единства полагался Космос. Природа для древнего грека не была обезличенным неодушевленным веществом, она представлялась живым организмом, в котором отдельные части – вещи – имеют свои назначения и функции. Поэтому античному мыслителю была чужда идея постижения мира путем насильственного препарирования его частей и их изучения в несвободных, несвойственных их естественному бытию обстоятельствах. В его представлениях такой способ исследования мог только нарушить гармонию Космоса, но не в состоянии был обнаружить эту гармонию. Поэтому постижение Космоса, задающего цели всему «физически сущему», может быть достигнуто только в умоглядной созерцании, которое

расценивалось как главный способ поиска истины.

Знание о природе (фюсис) древние греки противопоставляли знанию об искусственном (тэхне). Античности, как и сменившему ее европейскому Средневековью, было свойственно резкое разграничение природного, естественного и технического, искусственного. Механика в античную эпоху не считалась знанием о природе, а относилась только к искусственному, созданному человеческими руками. И если мы расцениваем опыты Архимеда и его механику как знание о законах природы, то в античном мире оно относилось к «тэхне», искусственному, а экспериментирование не воспринималось как путь познания природы.

Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 70–74, 273–274.

Подводя итоги системных анализов взаимодействия общества и природы, проведенных членами Римского клуба (пожалуй, самой влиятельной экологической организации современного Запада) организатор и первый глава данного сообщества естествоиспытателей, представителей социально-гуманитарных дисциплин и философов **А. Печчеи**, на наш взгляд, глубже других западных мыслителей своего времени понимает первопричины современного экологического кризиса.

Вопросы и задания:

1. Что указывает, по мнению А. Печчеи, на кризис современной цивилизации?
2. Какие меры должны быть приняты, чтобы изменить существующие тенденции развития человечества?
3. Можно ли в решении современных экологических проблем уповать на мудрость правительства и знания узких специалистов?

Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. Уже занесены в

золотую книгу наиболее значительные успехи ее предшествующего развития. И пожалуй, самым важным из них, определившим все остальные достижения цивилизации, явилось то, что она дала мощный импульс к разворачиванию промышленной, научной и технической революций. Достигнув сейчас угрожающих размеров, они уподобились гигантским тиграм, которых не так-то просто обуздать.

<...> Развитие цивилизации, однако, сопровождалось расцветом радужных надежд и иллюзий, которые не могли осуществиться хотя бы по причинам психологического и социального характера. В основе ее философии и ее действий всегда лежал элитаризм. А Земля – как бы ни была она щедра – все же не в состоянии разместить непрерывно растущее население и удовлетворить все новые и новые его потребности, желания и прихоти. Вот почему сейчас в мире наметился новый, более глубокий раскол – между сверхразвитыми и слабо развитыми странами. Но даже и этот бунт мирового пролетариата, который стремится приобщиться к богатствам своих более благополучных собратьев, протекает в рамках все той же господствующей цивилизации и в соответствии с установленными ею принципами.

Маловероятно, чтобы она оказалась способной выдержать и это новое испытание, особенно сейчас, когда ее собственный общественный организм раздражают многочисленные недуги. НТР же становится все строптивее, и умирять ее все труднее и труднее. Наделив нас невиданной доселе силой и привив вкус к такому уровню жизни, о котором мы раньше и не помышляли, НТР не дает нам порой мудрости, чтобы держать под контролем наши возможности и запросы. И нашему поколению пора наконец понять, что только от нас зависит теперь, сможем ли мы преодолеть это критическое несоответствие, так как впервые в истории от этого зависит судьба не отдельных стран и регионов, а всего человечества в целом. Именно наш выбор предопределит, по какому пути пойдет дальнейшее развитие человечества, сможет ли оно избежать самоуничтожения и создать условия для удовлетворения своих потребностей и желаний.

Далек ли от нас критический порог? Думаю, что он уже совсем близок, и мы стремительно мчимся прямо к нему.

<...> Десятки миллионов лет влажные тропические леса пребывали в состоянии устойчивого равновесия. Сейчас их уничтожают со скоростью 20 гектаров в минуту. Если так пойдет и дальше, то уже через три-четыре десятилетия они окончательно исчезнут с лица земли – раньше, чем иссякнет нефть в последних скважинах, но с куда более опасными для человека последствиями.

Можно до бесконечности продолжать этот печальный список. И что самое страшное, никто, в сущности, не знает, какая именно из этого множества опасностей и проблем — далеко не все из которых мы уже успели прочувствовать и осознать – развяжет ту цепную реакцию, которая поставит человечество на колени. Никто не может сейчас предсказать, когда это произойдет, и вполне возможно, что ближайшие годы и есть последняя отсрочка, дарованная человечеству, чтобы оно наконец образумилось и, пока не поздно, изменило курс.

<...> Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого.

Проблема в итоге сводится к *человеческим качествам* и путям их усовершенствования.

<...> Сможет ли человечество в один прекрасный день рассеять все нависшие над ним угрозы и беды и создать зрелое общество, которое мудро управляло бы и разумно распоряжалось своей земной средой? Сможет ли это новое общество покончить с нынешним расколом и создать действительно глобальную, стабильную цивилизацию? Или, чтобы избежать более тяжелых кризисов,

человечество предпочтет еще в большей степени доверить свою судьбу технике, развивая, как то с надеждой предсказывают абсолютизирующие роль науки футурологи, «постиндустриальные» или «информационные» модели общества? Окажется ли этот путь чудотворным выходом из нынешнего тупика и не погибнет ли окончательно человек со всеми своими ограниченными возможностями, слабостями, стремлениями и духовностью в системе, которая будет далека и чужда его природе? Не приведет ли в конечном счете этот выбор к созданию чисто технократического, авторитарного режима, где работа, закон, организация общества и даже информация, мнения, мысли и досуг будут жестко регламентироваться центральной властью? Сможет ли в этих условиях функционировать плюралистическое общество как единое целое?

Или человечество окажется настолько подавленным собственной сложностью и неуправляемостью, что для него станет реальной перспектива окончательного распада и гибели? Не захотят ли более богатые в тщетной попытке отмежеваться от общей судьбы окопаться в оазисах относительной безопасности и благополучия? Не приведет ли это к новому, более глубокому расколу общества на кланы? Какие еще последствия, рациональные или иррациональные, могут вытекать из нашего нестабильного настоящего? И можно ли считать абсолютно исключенной и неправдоподобной возможность самой страшной апокалипсической катастрофы, которая заклеяет человеческую судьбу на многие века, а возможно, и навсегда? Когда и в какой форме нам может особенно угрожать эта опасность?

<...> Мы знаем, что наше путешествие в качестве homo sapiens началось приблизительно сто тысячелетий назад, и вот уже сто веков, как ведется историческая летопись человечества. Однако в последние десятилетия все чаще рождается мысль, что человечество достигло какого-то важного рубежа и оказалось на перепутье. Впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром, по-видимому, действительно нависла реальная угроза

неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить общую судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, сегодня еще не задумывается над необходимостью радикально изменить не только свой собственный образ жизни, но жизнь своей семьи, своего народа. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы еще не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение.

<...> Такое международное распространение проблемных эпидемий вовсе не означает, что исчезнут или станут менее интенсивными проблемы регионального, национального или локального характера. Напротив, их становится все больше и больше, а справляться с ними все труднее и труднее. Но самое страшное, что мы продолжаем упорно фокусировать внимание именно на этих периферических или частичных проблемах, которые кажутся нам ближе и потому больше, и при этом не замечаем или попросту не желаем осознавать, что тем временем вокруг нас все плотнее сжимаются тиски гораздо более грозной, всемирной *глобальной проблемы*. Правительства же и нынешние международные организации оказываются абсолютно неспособными достаточно гибко реагировать на сложившееся положение. Сама их структура как будто специально создана таким образом, чтобы решать исключительно узкие, секторальные проблемы и оставаться совершенно нечувствительной к общим, глобальным. Они будто окружены непроницаемой стеной, сквозь которую даже не доносятся отзвуки разыгрывающихся бурь; более того, их бюрократический аппарат оказывает упорное сопротивление любым попыткам отреагировать, он буквально парализован массой неотложных задач и при этом, конечно, не видит гораздо более страшных, но несколько отдаленных во времени бед ...

<...> К несчастью, среди экономистов и техников встречаются еще глупцы, верящие, что именно их науки способны найти тот

магический философский камень, который исцелит человечество от всех его недугов. К тому же в мире существуют влиятельные силы, заинтересованные в продолжении прежнего курса, так что рано пока прекращать шоковое лечение. И все-таки цели человечества не могут ограничиваться лишь стремлением избежать катастрофы, обеспечить возможности для выживания и потом влачить прозаическое и ущербное существование в своем полуискусственном мирке. Нужно поднять дух человека, ему необходимы идеалы, в которые он мог бы действительно верить, ради которых он мог бы жить и бороться, а если понадобится, и умереть. И идеалы эти должны произрастать из его осознания своей новой роли на планете – той роли, о которой я уже так много говорил.

<...> Только *Новый Гуманизм* способен обеспечить *трансформацию человека*, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире.

Этот Новый Гуманизм должен не только быть созвучным приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социально-политической и научно-технической областях. Поэтому и сам Новый Гуманизм должен *носить революционный характер*. Он должен быть творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить кажущиеся ныне незыблемыми принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций-духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 40–43, 83–86, 117–121, 206–208, 211–215, 254–268

*** *** ***

Подводя итоги широкого обзора литературы по проблемам современного экологического кризиса, можно сделать следующие выводы:

1. Хотя кризисы в процессе взаимодействия общества и биосферы Земли происходили на протяжении всей истории человечества, но лишь в наше время они приобрели глобальный и крайне опасный для последующего развития человечества характер.

2. Основные причины современного экологического кризиса заключаются в том, что по сравнению с предыдущими историческими эпохами, в результате технического прогресса мощь современного человечества необычайно возросла. Техномасса превышает биомассу в сотни раз. Следовательно, необычайно возросло и воздействие общества на окружающую природную среду. Однако вследствие социального эгоизма, присущего этому обществу, данная мощь превращается в слепую стихийную силу, грозящую настолько изменить условия окружающей природной среды — атмосферу и биосферу Земли, — что в этой измененной экологической среде не окажется места для существования человека.

3. Причиной социального эгоизма является, прежде всего, социально-экономическая система современного глобализирующегося общества, в котором прибыль и рост капитала играют доминирующую роль.

4. Выход из современного экологического кризиса предполагает борьбу за общественные интересы, которые не сводятся к интересам только ныне живущих поколений людей, отдельных военно-экономических группировок, отдельных стран, определенных социальных групп и отдельных индивидов.

5. Определение высших социальных интересов предполагает ликвидацию вопиющего неравенства в социально-экономических отношениях, которое буквально пронизывает все современное человечество, и формирование демократического контроля над стихийно осуществляющимся до сих пор процессом его технологического и экономического развития.

6. Целью дальнейшего развития человечества является его превращение в социальное целое, разумно регулирующее свое

взаимодействие с окружающей средой. Это разумное регулирование позволит исключить в будущем экологические кризисы, подобные современному.

XXI век — возможно, решающий этап в истории человечества. Сегодня оно — на развилке своего исторического развития. С одной стороны, расширение информационных связей, колоссальные возможности вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, превращение всего мира в единое экономическое и культурное пространство делают вполне реальными самые смелые проекты объединения народов и наций в единое сообщество, ведут к синтезу достижений западной и восточной культурных традиций, к превращению мирового сообщества в разумную силу природы — ноосферу, к новому «осевому времени» в истории человечества, наконец, к новому этапу космической эволюции, о котором говорили представители русского космизма. С другой стороны, глобальные проблемы современности — широкомасштабный экологический кризис, растущее экономическое, социальное и культурное неравенство развитых и развивающихся наций, распространение ядерного оружия, демографический взрыв, информационный империализм — делают вполне возможным и другой сценарий развития человечества, ведущий к «столкновению культур», господству «золотого миллиарда», к разрушению биосферы и подлинному «концу истории», за которым проступает угроза полного исчезновения человечества с лица Земли. При этом воплощение в действительность оптимистического или пессимистического сценария будущего развития зависит от сознательного выбора мировым сообществом магистрального пути своего развития, поскольку и пессимистический, и оптимистический варианты будущего исторического развития имеют приблизительно одинаковые возможности своего осуществления.